

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 37, Is. 3, pp. 2–14, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 342.156

The Uriankhai Issue and Mongolia-Tuva Relations in the Early the 20th Century

*Sergius L. Kuzmin*¹

¹Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Ph.D. in Biology (Cand. of Biological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: ipe51@yahoo.com

Abstract. The paper discusses a transformation of views of Mongolia's authorities upon Tuva's status (Uriankhai) after the 1911 proclamation of independence of Mongolia in the context of relations between Mongolia, Tuva and Russia. The lack of legal fixation of the Uriankhai issue's solution by the Russian Empire and Mongolia created uncertainty and laid a basis for further territorial disputes. During the period of monarchy in Mongolia (1911–1921), Mongolian authorities considered Tuva to be a part of Mongolia proceeding from the fact that under the Qing rule the Uriankhai region had been subordinate to the authorities of Western Mongolia. Tuva itself displayed quite a spectrum of opinions regarding its new status, the prevailing being that of independence from both Mongolia and Russia, while very few were inclined towards China. Taking advantage of this uncertainty, the Republic of China attempted to 'return' Outer Mongolia together with Uriankhai to their control laying 'hereditary' claim to all territories of the collapsed Qing Empire which had once included China itself, Mongolia, and Uriankhai. The failure of these attempts resulted from the liberation of Outer Mongolia by Baron R. F. Ungern (1886–1921), and a subsequent establishment of the Soviet influence over Mongolia and Tuva. During the direct aftermath of the Mongolian People's Party's rise to power in the summer of 1921, the main trend of the Mongolian policy towards Tuva remained the same as it had been before the Mongolian Revolution, but there emerged more and more statements regarding self-determination of the people of Tuva. Inside the latter — even after the People's Revolutionary Party of Tuva came to power — two main trends took shape, namely: a trend towards independence and that of joining Mongolia. The key arguments of those who supported the latter position were similarity of Tuva and Mongolia's peoples in terms of their historical backgrounds, customs, religion, writing system, etc. The course towards Tuva's independence together with pro-communist ideas supported by its government resulted in rebellions of 1923 and 1924 that were successfully quelled by the then Tuvan authorities with the assistance of Soviet Russia and pro-Soviet Mongolia. The official recognition of Tuva's independence by the Mongolian People's Republic — under a direct influence of the Soviets — also meant a legal fixation of Mongolia's northern borderline. The article also provides a number of previously unpublished documents.

Keywords: Mongolia, Russia, Tuva, Uriankhai, China, independence, borders, autonomy, international relations

История Тувы в новое и новейшее время интенсивно изучается — в частности, российско-тувинские отношения начала XX в. в связи со становлением независимости Тувы, а также ее последующим вхождением в состав СССР в 1944 г. В то же время монголо-тувинские отношения остаются изученными фрагментарно. Важные материалы на эту тему содержатся в архивах России и Монголии, а также в публикациях российских и монгольских исследователей. Указанные материалы позволяют проследить трансформацию взглядов монгольского руководства на отношения между Монголией и Тувой в процессе становления независимости последней в начале XX в.

С древних времен территория Урянхая (Тувы) входила в состав различных государств. В XIII в. она вошла в состав Монгольского государства Чингис-хана и его потомков. После распада этой империи Урянхай был частью монгольских государств, образовавшихся на ее месте, в частности, ханств хотогойтов и джунгаров. В XVIII в. над ним установилась власть империи Цин. Урянхайские хошуны (удельные княжества) находились под управлением цинского цзяньцзюня (генерал-губернатора) в монгольском г. Улясутае.

29 декабря 1911 г. Монголия провозгласила независимость как теократическая монархия во главе с великим ханом Богдо-гэгэном Джебцундамба-хутухтой VIII. Незадолго до этого, когда монголы в своей столице Урге предъявили цинскому амбаню (резиденту) Саньдо ультиматум с требованием сложить власть и удалиться, их выступления поддержал высший феодал Урянхая — амбын-ноян Комбу-Доржу. К середине весны 1912 г. от китайцев были освобождены все хошуны Урянхая, кроме двух кемчикских.

15 февраля Комбу-Доржу и чиновники трех хошунов прислали усинскому пограничному начальнику А. Х. Чакирову документ об объявлении Тувы отдельной страной и просили покровительства русского царя по образцу Внешней Монголии. Вместе с тем урянхи почитали Богдо-гэгэна как своего духовного главу так же высоко, как монголы; буддийские монастыри и храмы Тувы были связаны с монгольскими. В феврале 1912 г. часть урянхайских хошунов изъявила желание принять подданство Богдо-гэгэну. Урянхи хошунов Танну-Салчак и Тоджа стали шабинарами (религиозными

учениками) одного из высших лам Внешней Монголии — Джалханца-хутухты [Самдан 2011: 55–58; Установление... 1994: 8–10; Монгуш 2001; Магсаржав 1994: 38; Дацышен 2005: 67–68; 2012: 265]. Несмотря на разногласия между Ургой и Петербургом, желание нойонов Салчакского и Тоджинского хошунов было удовлетворено: они были приписаны к ведомству Джалханца-хутухты в Дзасактуханском аймаке Монголии, а один из Кемчикских хошунов был вновь включен в Сайннйонханский аймак на основании своей прежней подчиненности. 12 февраля 1912 г. было провозглашено отречение Цинской династии и установление Китайской республики. В мае 1912 г. Западная Монголия контролировалась Китайской республикой. В связи с этим китайский парламент принял декларацию о принадлежности Урянхайского края Западной Монголии, что было оспорено российской дипмиссией [Василенко 2013: 64–66].

Богдо-гэгэн VIII после провозглашения его великим ханом Монголии издал указы об изгнании цинских чиновников с остальной территории страны, в том числе с запада. В июне 1912 г. он издал указ о наборе отряда монгольских солдат для удаления из г. Кобдо тамошнего амбана и его чиновников. В числе глав хошунов, принявших участие в мобилизации солдат, были урянхайские ёст-дзасак Очиржав-гун, Дзутгэлт-дзасак Цаганбилэг-гун, Эетэй-дзасак Турбат-гун и др. Монгольские войска и отряд в тысячу урянхов подошли к Кобдо [АВПРИ. Ф. МИД, Канцелярия. Оп. 470. Д. 196. Л. 24; ТХА. Ф. акад. Ширэндэв. Х.н. 10. Тал 199; Сүхбаатар 2012: 220], осадили город и после боев захватили его в ночь на 20 августа 1912 г. Летом 1912 г. представители хошунов Западной Монголии и алтай-кемчикских урянхов прислали Богдо-хану письма с просьбой о принятии их в подданство [Сандаг 1958: 81].

Политика России в Урянхае основывалась на решениях особого совещания правительства в 1911 г., когда было принято считать русские поселения там основой для склонения края к статусу протектората с возможностью дальнейшего присоединения. Еще в начале 1900-х гг. была учреждена должность пограничного комиссара в Урянхайском крае. Постепенно росло число русских торговцев. Последовало распоряжение улясутайского цзяньцзюня об их выселении. Российское правительство при-

няло меры к его отмене [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3108. Д. 3110]. После провозглашения независимости Монголии, в апреле 1912 г. российский комиссар по делам Урянхы издал циркуляр, согласно которому Россия приняла край под свое единоличное попечение, и никакое другое государство не может без согласия России «проявлять какую-либо деятельность в Урянхае» [Урянхай... 2014: 198]. Весной 1912 г. российские представители предупредили улясутайские власти, что Россия «имеет на Урянхайский край неоспоримые права» и что посылка туда монгольских чиновников может иметь нежелательные для монголов последствия [Василенко 2013: 47–68].

21 октября (3 ноября) 1912 г. Монголия заключила двустороннее соглашение с Российской империей. В декабре 1912 г. на переговорах с монгольской делегацией в Петербурге министр иностранных дел С. Д. Сазонов заявил, что российское правительство не допустит ввода китайских войск в Баргу, но урянхи не монгольского происхождения, потому Монголия должна отказаться от Урянхы. Монгольский посланник М. Ханддорж-ван ответил, что Урянхай уже присоединился к Монгольскому государству [Сандаг 1958: 126–127].

Комбу-Доржу, в 1912 г. выступавший против присоединения к Монголии хошунов Салчак и Тоджа, в 1913 г. попросил Ургу принять подведомственные ему хошуны в подданство, приезжал для этого в Улясутай и Кобдо весной 1913 г., заявлял о том, что урянхи единодушны в стремлении объединиться с независимой Монголией. Российские чиновники развернули активную деятельность в Урянхае для склонения его к России. В начале 1914 г. Комбу-Доржу, правители хошунов Да и Бэйсэ обращались с прошениями принять их под покровительство России [Белов 1997: 190–194].

В июле 1914 г. амбын-нояну было объявлено соизволение Николая II о принятии его «с подведомственными урянхами трех хошунов» под царское покровительство. Затем последовали соответствующие ручательства амбын-нояна и глав хошунов (тексты: [Установление... 1994: 23–28]). Но и после этого в край направлялись монгольские чиновники для переписи русских поселенцев и их имущества. Перепись провели в двух хошунах, признававших подданство Монголии [Единархова, Николаева 2009: 100–102].

В российско-китайской ноте 1913 г. говорилось, что «точные границы Внешней Монголии... составят предмет позднейших переговоров». Эти тройственные переговоры между Китаем, Россией и Монголией открылись в Кяхте. Перед открытием переговоров российские представители предупредили монгольских не ставить на них урянхайский вопрос, что и было сделано. Российская сторона отклонила и китайские попытки этого [Белов 1997: 196]. 25 мая (7 июня) 1915 г. в Кяхте было подписано трехстороннее Китайско-русско-монгольское соглашение, признававшее Внешнюю Монголию автономией под сюзеренитетом Китайской республики. Один из ведущих специалистов по международному праву в то время, директор юридической секции МИД России Б. Э. Нольде, разъясняя статус Внешней Монголии после подписания этого соглашения, подчеркивал несомненность ее статуса как государства в рамках международного права [Нольде 1915: 2228–2229, 2231].

Статья 11 Кяхтинского соглашения 1915 г., апеллируя к российско-китайским нотам от 23 октября (5 ноября) 1913 г., определяла территорию автономной Монголии как «области, находившиеся в ведении китайского амбана в Урге, цзяньцзюня в Улясутае и китайского амбана в Кобдо, причем границей с Китаем служат границы хошунов 4 аймаков Халхи и Кобдоского округа, сопредельных: на востоке с Хулунбуирским округом, на юге — с Внутренней Монголией, на юго-западе — с Синьцзянской провинцией и на западе — с Алтайским округом. Формальное разграничение между Китаем и Автономной Внешней Монголией будет произведено особой комиссией из делегатов Китая, России и Автономной Внешней Монголии, причем к началу работ по разграничению будет приступлено не позже двух лет со дня подписания настоящего Соглашения» [Сборник... 1914: 85–90; Батсайхан 2011: 662]. Следовательно, Кяхтинское соглашение лишь в общих чертах решило вопрос о разграничении, причем только с Китаем.

Итак, Урянхайский край считали своим Монголия, Россия и Китай, но заключенные между этими странами соглашения не содержали решения вопроса. Это создавало неопределенность и стало основой для территориальных споров. Эту неопределенность пытались использовать власти Китайской республики.

После Кяхтинского соглашения 1915 г. китайский резидент в Кобдо Ян Шичао и монгольский военачальник Хатан-Батор С. Максаржав с 2 отрядами в 150 и 300 чел. подошли к р. Джаган и Белоцарску — центру Урянхайского края. Они потребовали удаления российского комиссара и отряда казаков. Те подчинились, русское население частично ушло. Однако затем позиции России в крае стали восстанавливаться. В конце 1916 г. Джалханцза-хутухта вновь поднял вопрос о его присоединении к Внешней Монголии. По результатам его переговоров с российским представителем в Урге, в июле 1917 г. должен был состояться референдум среди урянхов. Однако из-за нараставшего в России коллапса власти он не состоялся. В связи с этим представители Китая и Внешней Монголии подписали 17 декабря 1917 г. соглашение, по которому Урянхайский край составлял нераздельную часть Внешней Монголии [Майский 1921: 260; Лузянин 2003: 81]. В связи с ослаблением позиций России, охваченной революцией, национальное государство ханьцев — Китайская республика — надеялось «вернуть» себе Монголию вместе с Урянхаем, необоснованно претендуя на все территориальное «наследие» распавшейся маньчжурской империи Цин, частями которой в свое время были Китай, Монголия и Урянхай.

Вскоре после этого, в марте 1918 г., вышел декрет китайского президента Фэн Гочжана, которым Внешняя Монголия и Урянхай объявлялись китайскими провинциями. В октябре к власти в Китае пришел новый президент — Сюй Шичан, продолживший экспансионистскую политику. Его брат генерал Сюй Шучжэн, в нарушение Кяхтинского соглашения, ввел войска во Внешнюю Монголию и отменил ее автономию. В марте 1919 г. Ян Шичао с отрядом из китайцев, монголов и урянхов предпринял новую попытку присоединить Урянхай. Его отряд был разбит казаками во главе с хорунжим Делибалтом. В июле на Кемчик пришел новый китайско-монгольский отряд, казаки потерпели поражение, Делибалт погиб. В конце 1919 г. автономия Монголии была отменена Китаем. После этого монгольский отряд и Хатан-Батор Максаржав были отозваны из Урянхaya. Затем, 15 августа 1920 г., временно исполняющим обязанности комиссара-умиротворителя китайское правительство назначило сановника Чэнь И.

В сентябре–октябре 1920 г. к его ведению были отнесены Внешняя Монголия и Урянхайский округ [РГАСПИ. Ф 495. Оп. 152. Д. 2. Л. 14–17; Майский 1921: 260; Лузянин 2003: 81; Белов 1999: 163–167].

Монгольская народная партия (МНП), созданная с помощью большевиков, уже во время визита своей первой делегации в РСФСР в 1920 г. подняла урянхайский вопрос. 21 августа 1920 г. монгольские делегаты на переговорах с сотрудниками Сибирской миссии НКВД РСФСР заявили, что Урянхай «принадлежит к Внешней Монголии, однако был аннексирован царской Россией» [Монголия... 2012: 43].

Зимой 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн изгнал китайских оккупантов из Внешней Монголии и восстановил там теократическую монархию. 25 февраля вышел указ Богдо-хана, где в числе прочего говорилось, что урянхи — его подданные [XX зууны... 2003: 410–413].

2 марта 1921 г. председатель Сибревкома И. Н. Смирнов и член Сиббюро, уполномоченный наркомата иностранных дел на Дальнем Востоке Б. З. Шумяцкий телеграфировали наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, что, в соответствии с его решением оказать помощь МНП, они считают необходимым включение Урянхaya в независимую Монголию. В начале лета уже и местные урянхайские власти признавали монгольскую власть [Дацышен 2014: 8].

В 1921 г. красные выбили из Урянхaya китайцев и белых, а из Внешней Монголии — войска барона Унгерна. Летом 1921 г. МНП взяла власть во Внешней Монголии при помощи большевиков. В связи с предстоящим I Всетувинским хуралом советские работники поручили секретарю райбюро РКП(б) в Туве Я. С. Чугунову и первому советнику тувинского правительства и будущего ЦК Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) П. С. Медведеву содействовать назначению на пост председателя совета министров Тувы М. Буян-Бадыргы [Моллеров 2016: 8]. В 1923 г. он станет членом ТНРП [Ховалыг 2007: 58]. Всетувинский учредительный хурал, проходивший 13–16 августа 1921 г., провозгласил Народную республику Танну-Тува (Тувинская народная республика — ТНР), «ни от кого не зависимую по своим внутренним делам <...>, а в международных отношениях действует под покровительством РСФСР» [Байыр-оол 2010: 168]. На этом хурале присутствовали пред-

ставители пяти хошунов, но не было представителей трех хошунов, которые раньше относились к тувинским. Из-за их неявки было решено один хошун (Хаасут) исключить из состава Танну-Тувы, а два других (Шалык и Сыртыыл) объединить в один [Саая 2009: 54].

Вскоре после Учредительного хурала, 9–14 сентября 1921 г., было опубликовано обращение к урянхайскому народу наркома по иностранным делам советской России, в котором говорилось о том, что правительство РСФСР не рассматривает Урянхайский край как свою территорию и не претендует на нее, но хочет заключить соглашение с урянхайским народом и органами его государственного управления об охране и безопасности интересов русских рабочих и крестьян там [Дацышен 2014: 8]. Это можно рассматривать как фактическое признание независимости.

Монгольская сторона не согласилась с этим. В послании наркому иностранных дел РСФСР от председателя делегации народного правительства Монголии С. Данзана 26 октября 1921 г. говорилось, что часть хошунов Танну-Урянхая находились в ведении улясутайского цзяньцзюня, другие управлялись и платили подати пяти халхаским хошунам Дзасактуханского и Сайнойонханского аймаков, однако царское правительство аннексировало страну путем захвата и колонизации. «Созданное таким образом русскими империалистами якобы неопределенное положение урянхайцев в настоящее время широко пытается использовать в видах новой формы аннексии сын известного эксплуататора урянхайцев колонист гр[ажданин] Сафьянов, подбивая плохо разбирающихся в государственных вопросах урянхайских чиновников к формальному отделению от Монголии и созданию независимого Урянхайского государства». Из-за него изгнан оттуда уполномоченный представитель революционного правительства Монголии, «вследствие чего почтенное правительство не замедлит в самой категорической форме отдать предписание пограничной (при урянхайской краевой) русской власти о полном и безусловном невмешательстве ее в дела монгольской краевой власти по управлению Урянхайским краем, бесспорно принадлежащим Монголии. Народно-революционное правительство Монголии считает Урянхайский край неотъемлемой частью Монгольского госу-

дарства, и в тесном политическом единении родственных по крови урянхов и монголов видит залог спокойствия и благоденствия монгольского пограничного Танну-Урянхайского края» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 11. Л. 20–22].

Правительство Монголии до 1922 г. продолжало посылать в Туву распоряжения и циркуляры, отдавать приказы, чтобы уголовных преступников судили не в Туве, а в Кобдо и Улясуае [Моллеров 2015: 222, 226]. Это следует рассматривать не как проявление «неизжитых среди монгольской элиты вассальных порядков и нравов, взглядов на тувинцев свысока» [Моллеров 2015: 226], а как признание монголами преемственности власти администраций Кобдоского округа и четырех аймаков Халхи.

7 марта 1922 г. правительство ТНР письменно обратилось к правительству Монголии с извещением о создании независимого народного правительства, 17 марта председатель совета министров ТНР М. Лопсан-Осур письменно предложил развивать добрососедские отношения председателю сейма правого крыла Дзоригтуханского аймака Монголии, в ведении которого с 1912 г. находились хошуны алтайских урянхайцев. Но 15 ноября МИД Монголии направил ноту протеста «Управлению делами Танну-Тувы». В 1923 г. органы власти ТНР неоднократно направляли руководству Монголии послания о независимости своей страны. Из Урги была направлена нота, что Танну-Тува — часть Монголии. ЦК МНРП отправлял в ЦК ТНРП ряд отношений о необходимости единения Монголии и Тувы на основе их сосуществования в империи Цин [Лузянин 2003: 125; Саая 2009: 56–58; Моллеров 2015: 226–228; Хертек 2016: 67–69].

Власти Тоджи-нор и Кемчик-Сальджакских хошунов писали инструкторам ЦК МНРП в Урянхае Доржпаламу и Найдансурэну 26 февраля 4-го года Танну-Тувинской республики (1924): «Как мы и ранее заявляли, будучи единоверцами и единомышленниками с монголами, мы желаем присоединиться к шабинскому ведомству Джалханцза-хутухты, в ведении которого мы ранее находились, привыкли и не испытывали никаких притеснений. А т. к. в Монголии в данное время существует новое правительство, население ее освобождено от реакционеров, и там на данный момент царит полный порядок и спокойствие, то это дает нам повод думать, что мы ни в коем случае

не будем угнетаемы, а наоборот надеемся встретить симпатию к себе со стороны населения» [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 45–46]. Тувинские чиновники прислали в МНР несколько писем аналогичного содержания [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 49–60, 307–315].

В послании монгольского руководства тувинскому от 8 апреля 1924 г. говорилось, что «образование Танну-Урянхайского народного правительства и установление самостоятельности одной стороной не соответствует существующему правопорядку <...> В настоящее время правительством получено от подведомственных урянхайских властей отношение за № 56, рассмотрев которое, наше монгольское народное правительство и МВД заявили, что вопрос о том, как будто бы мы по-прежнему подходим к Урянхаю с захватнической политикой, является громадным заблуждением <...> После того, как было образовано правительство Монгольского автономного государства в 5-м году Многими Возведенного¹, при заключении тройственного Русско-китайско-монгольского соглашения границы нашего Монгольского государства были определены пределами, кои во времена Цинской династии входили в ведение ургинского сановника, улясутайского губернатора и кобдоского сановника. Вот почему и Урянхайская территория, как находившаяся прежде в ведении улясутайского губернатора, была немедленно же включена в территорию нашего Монгольского государства. В конце концов, мысли подведомственных урянхайских властей и всего народа колебались между русской, китайской и монгольской сторонами. <...> Конечно, если весь танну-урянхайский народ объединится истинным желанием и волей образовать свое самостоятельное правительство, которое, будучи признано совправительством в России, сможет осуществить на деле свою самостоятельность, то, во всяком случае, как со стороны МНР, так и народного правительства Монголии каких-либо препон чиниться не будет. Но, к сожалению, до сего времени желание и воля всего урянхайского народа не смогли объединиться. Урянхай не в состоянии закрепить себя самостоятельным, ввиду чего и не признала [его] Советская Россия. <...> Но ясно, что Танну-

Урянхай, как маленькая часть территории, прежде входившей в территорию Автономной Монголии, не может быть полностью отделен от нынешней Монголии или от Китая и быть вполне самостоятельным. <...> Считая, что вопрос о самостоятельности Урянхая, как отдельной части, может быть разрешен лишь соглашением обеих сторон, монгольское правительство ставит главной своей задачей предоставление свободы к разрешению своих внутренних вопросов, причем мы заявляем, что мы не видим никаких препятствий к тому, чтобы урянхайский народ присоединился к монгольскому правительству. Единственное препятствие мы видим в том, что Урянхай, расположенный в отдаленности и введенный в заблуждение, не знает основных задач нашего правительства и общего положения вещей» (подписали председатель совета министров Цэрэндорж и секретарь Бавасан) [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 345–351].

В 1923 и 1924 гг. в Туве произошли восстания против прокоммунистической власти ТНРП и за присоединение к Монголии. В 1924 г. повстанцы Кемчикского хошуна направили послание в Монголию, в котором объясняли причины восстания следующим образом. Раньше русские из «Красной партии» много говорили урянхам, что надо уничтожить старое чиновничество, установили новые порядки и образовали танну-тувинское народное правление. «На такого рода внушения мы, вместо того, чтобы немедленно же присоединиться к Монгольскому государству, как одноплеменному и пограничному с нами, будучи в подозрении войск Красной партии, насильственно отобравших все наше оружие и не имея другого выхода, были всем этим принуждены образовать танну-тувинское народное правительство, и таким образом были подчинены его воле». Летом 1923 года под руководством нескольких восточных урянхов под предлогом распространения идей Красной партии были упразднены все прежние чиновные звания и должности, в органы власти введены новые люди, а старые чиновники лишены всякой власти. Затем стали насильственно проводить перепись населения, собирать большие подати, лишали женщин и детей прежних верований, распродавали в аренду иностранцам территорию, не выпускали урянхов за границы на юг и север. В местности «Чжиргаху-гоола» появились 20 человек, которые разграбили товар, принадлежавший Урян-

¹ То есть в 1915 г.

хайскому государству. Правительство прислало русско-уряньхайский отряд в 150 человек, «но они, заявив, что бандитов ловить не будут, затем сразу же арестовали жителей (лам из монастыря и даже их прислугу), несколько человек изрубили по частям». Председатель ЦК ТНРП и войсковые командиры издали распоряжение уничтожить монастыри здешних урянхов, всех прежних чиновников и мужчин, забрать их имущество и детей. Народ, испугавшись, собрал около 600 человек и заставил отступить русско-тувинских солдат. Об этом сразу сообщили Фальскому. Население бежало в леса и горы. Жители Кемчикских хошунов заявляют, что они родственны олет-дербетам, являются близкими сородичами монгольского племени, кочующего по р. Кобдо в местности Эмель-Тарбагатай, просят ходатайствовать перед властями «об избавлении нашего урянхайского народа от бед и угнетений и воссоединить нас в свое племя» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 337–340].

В материалах Коминтерна сохранилось донесение некоего «В» (фамилия закрашена), где отмечается: «Имелись сведения, что население некоторых хошунов, подавшее заявление о переходе в подданство Монголии, арестовано и подвергается страшной пытке», урянхайское народное правительство послало в Кемчикский хошун много войск из русских и урянхов. «Войска эти учинили всякие безобразия, притесняли и страшали население, а многие подвергались избиениям и даже убийству. Не имея возможности терпеть эти насилия, население было вынуждено оказать вооруженное сопротивление, что еще больше увеличило смуту и беспорядок». Население Кемчикского хошуна обратилось к монгольским властям [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 139–140].

Монгольские сайды (высшие чиновники) в Кобдо сообщали, что эти урянхи, их подданные по происхождению, согласия на их отделение от монгольского правительства не давали, потому командирруется к ним специальный человек. Сайды просили разъяснений монгольского правительства. Сообщения были отправлены также в российские консульства в Кобдо и Улясутай. Ответ тувинского народного правительства от 9 мая 1924 г. гласил: «Ранее мы, тувинцы, всеобщим своим советом образовали народное правительство», в прошлом году прошел партийный съезд, на котором было

700 делегатов от всех местностей. Собравшиеся в Кемчике 1 500 человек выразили готовность следовать за партией. Некоторые граждане Кемчикского хошуна разграбили имущество тувинского Госторга и российского Центросоюза. Для поимки их был направлен отряд, но «бандиты», усилив восстание и присоединив «несознательную часть населения», совершили нападение на отряд, убили несколько служащих и частных лиц. Невинным было предложено отделиться от повстанцев, правительству Монголии было сообщено о самоопределении и самостоятельности танну-тувинского правительства, но ответ так и не был получен [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 341–344].

В конце мая – начале июня повстанцы отправили также письмо тувинскому правительству «от всего народа Кемчикского хошуна». В нем сообщалось, что они получили письмо правительства с призывом прекратить восстание. Повстанцы вновь указали, что урянхи по происхождению и религии имеют неразрывную связь с монгольским народом. «Обратив все свое внимание на свою религию и учение и на то, что мы — национальное меньшинство, мы окончательно и бесповоротно [решили] совместить таковые с религией, государственною Его Святейшества Учителя нашего Богдо-хагана и, подчиняясь народному правлению, войти в подданство такового. Ставши самостоятельным аймаком и сеймом, мы будем самостоятельно ведать своими внутренними делами, пользуясь правом и свободой, высшие будут нести государственную службу, а низшие, охраняя свое имущество, будут строить свое существование <...> Во всяком случае, подлинное мнение нашего народа ясно, хотя вы сообщаете во все места вначале всего [что это] дела бандитов. Точно также, вероятно, ясно видно, объединяется ли мысль всех хошунов в установлении самостоятельности Танну-Туву, или нет, ваши войска в Шагнаре убили четыре человека, силой заставили перекочевать многих людей» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 353–356].

В ответ «ЦК Урянхайской народной партии» сообщил повстанцам, что при рассмотрении бумаги, посланной ими в Кобдо, выяснилось, что она составлена несколькими лицами от имени всего народа и «заключает в себе сильную ложь, что якобы Советская Россия принудила урянхайцев органи-

зывать Народное Правительство, тогда как Советская Россия очистила наш край от белобандитов». Заявлялось, что урянхайский народ выразил желание организовать самостоятельное государство на общенародном собрании в Верхнеусинске и на последующих собраниях в разных местностях Урянх-хая, и имеются постановления этих собраний. Далее содержались ответы на каждое обвинение повстанцев: клевета, что партия угрожала уничтожить лам и храмы; есть порядок выезда за границу; иностранцам землю не продавали, а только сдавали в аренду пустые места; солдаты людей не обижают, они посланы только против банд; чиновников лишили права носить на шапках обозначающие их ранги шарик, полученные от маньчжурских и китайских властей, так как они не имеют значения в демократической стране; опись скота и имущества делается в целях справедливого и равномерного распределения налогов. Указывалось, что урянхайское правительство стремится уважать религию, улучшать положение бедняков, ликвидировать грабежи, улучшить народное образование и санитарное дело, партия предлагает населению Кемчикского хошуна больше не поддерживать этих вредных людей, а спокойно заниматься своим хозяйством, ждать разбора дел представителями [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 358–360].

В 1924 г. правительство Монголии направило в НКВД ноту с осуждением действий тувинского правительства и выражением намерения взять под защиту повстанцев и весь тувинский народ. В том же году на конференции в Туве при участии представителей с тувинской, монгольской и советской сторон был урегулирован вопрос с восстанием, принята советско-монгольская декларация о невмешательстве во внутренние дела ТНР и уважении ее суверенитета [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 139–140; Лузянин 2003: 125; Саая 2009: 56–58; Моллеров 2015: 226–228; Хертек 2016: 67–69]. Это согласовалось с принятой весной 1924 г. директивой НКВД и Крайкома РКП(б) по Сибири: «По возможности воздержаться от вооруженных действий и ликвидировать вооруженное восстание Кемчика мирным путем» (см.: [Моллеров 2017: 43]).

Влияние Монголии оставалось очень сильным в основном в Кемчикском районе. Эти симпатии населения были основаны

на общности быта, религии, письменности, необходимости содержания собственного государственного аппарата, нежелания платить тяжелые подати. 20 % населения Урянх-хая составляли очень работоспособные русские колонисты, которые вели себя как полновластные хозяева [АВПРФ. Ф. Резидентура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 3, 33–44]. Однако влияние Монголии не ограничивалось Кемчиком. Сохранились переводы писем чиновников шести хошунов с просьбой принять их в подданство Монголии. Во всех них содержатся ссылки на общность происхождения, религии и традиций [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 32. Л. 97–102]. В нескольких письмах содержатся апелляции к тому, что объединение с Монголией послужит развитию свободы, полученной тувинским народом [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 32. Л. 95–96, 100, 102]¹.

Исполнявший обязанности уполномоченного монгольского правительства в Тагна-Тове Хатан-Батор Максаржав сообщил в декабре 1924 г.: «В Монгольское народное правительство. Недавно все семь хошунов Тагна-Урянх-хая, ввиду выраженного населением этих хошунов пожелания присоединиться к нашему Монгольскому Государству, не имея возможности образовать особое государство за недостатком своих сил и, следуя происхождению и традициям, в целях укрепления свободы народных масс, обратились ко мне спешно передать их ходатайство на надлежащее рассмотрение. А потому при сем представляю на рассмотрение Монгольского Народного Правительства шесть ходатайств. И.д. уполномоченного Максаржав. 15-го числа 10 добавочной луны 11 декабря 14 года. МГ № 4» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 32. Л. 99].

Монголы продолжали считать неопровержимыми свои доводы за присоединение Урянх-хая к Монголии и в начале 1925 г., в частности, указывая на то, что грамотным урянхам доступен только монгольский язык, у монголов и урянхов есть общность быта, религии, письма [АВПРФ. Ф. Резидентура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 31, 45–46; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 345–351].

12 мая 1925 г. урянхайский вопрос рассматривался на заседании ЦК МНРП. При-

¹ В переводах этих писем стоят датировки: 4-й или 14-й годы. Это 1924 г.: 4-й год Танну-Тувинской республики или 14-й год Многими Возведенного (монгольское летосчисление).

существовало 5 урянхов. По их словам, искреннее желание подавляющего большинства урянхов — присоединение к Монголии, содействие «общими силами борьбе за улучшение положения трудового народа». Они доказывали, что маленькому урянхайскому народу не по силам содержать особое правительство с сетью учреждений и штатом, не хватает кадров; общность быта, письменности, религии и т.д. требуют присоединения Урянхия к Монголии. Затем председатель ЦК МНРП Ц. Дамбадорж предложил высказываться. Все члены ЦК промолчали. Тогда уполномоченный Коминтерна в МНР Т. Рыскулов заявил, что этот вопрос чисто дипломатический, ЦК не при чем, пусть вопрос обсуждают полпредство СССР и монгольское правительство. Председатель Реввоенсовета МНР Э.-Д. Ринчино возразил: нет, пусть обсудит ЦК и даст директивы правительству. Премьер Б. Цэрэндорж заявил, что после 1921 г. не уделяли внимания Урянхаю, в 1922 г. по предложению представителя РСФСР и Коминтерна А. Я. Охтина послали в Кызыл своего представителя, но его туда не пустили из-за вмешательства некоторых лиц (имеется в виду советский представитель Ф. Г. Фальский), он был вынужден вернуться; в прошлом Урянхай входил в Монголию, но сейчас Монголия существует без Урянхия, сумеет существовать без него и в будущем. Ринчино ответил, что для СССР и Монголии невыгодно ставить урянхайский вопрос, для Монголии желательно провозгласить независимость Урянхия. Военный министр Максаржав, ездивший в Урянхай, заявил, что урянхи терроризированы русским населением и там надо положить конец хаосу. Цэрэндорж отметил, что монголам не нужно вмешиваться в урянхайский вопрос. В результате приняли сформулированные Джадамбой пункты: «1) предложить монгольскому правительству снести с Москвой для ускорения решения урянхайского вопроса; 2) воздержаться от посылки в г. Красный¹ монгольских работников» [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 115–124].

Представители советского НКВД теперь считали, что правительство Монголии проводило «великодержавную» и «захватническую» политику в отношении тувинского народа, являвшуюся следствием «панмонгольского уклона руководящих работников Монголии, поддерживаемого и культивиру-

емого националистической группой бурятской интеллигенции, работающей в Монголии (Ринчино — Жамцарано)», которая способствует «только дальнейшему отчуждению его от монгольского народа, создает нежелательные и вредные недоразумения» [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 115–124]. Использование этих штампов говорит о том, что НКВД принял сторону не Сибревкома, а И. Г. Сафьянова (см. выше).

В ноябре 1925 г. II Великий народный хурал МНР принял решение о признании суверенитета ТНР [Саая 2009: 59]. С 19 июля по 13 августа 1926 г. в Улан-Баторе состоялись переговоры комиссий правительств ТНР и МНР по заключению договора [Хертек 2016: 70]. 16 августа 1926 г. между МНР и ТНР был заключен «Договор об установлении дружественной связи между Монголией и Танну-Туевой» [ГА РТ ЦАДПОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 2–10]. В преамбуле к нему говорится, что при заключении Кяхтинского договора «танну-урянхайский народ считался подданным Внешней Автономной Монголии», но позже «араты Монголии и Танну-Туву установили новую жизнь, аннулировав все договора, заключенные в прежние захватнические времена, захватили власть и права и создали каждая в отдельности самостоятельные республики. Правительство СССР <...> признало эти республики и заключило с каждой в отдельности страной равноправные дружественные договора. Поэтому <...> правительство Монгольской народной республики и правительство Танну-Тувинской Народной Республики постановили обсудить вопрос об установлении дружественной связи» [ГА РТ ЦАДПОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 2–10].

Первые пункты Договора касались статуса обеих республик. Их правительства признавали друг друга (пп. 1 и 2). Каждая сторона обязывалась не допускать на свою территорию третью сторону, которая намеревается воевать с другой стороной или уничтожить ее правительство (п. 3). Оба правительства назначают своих полномочных представителей (пп. 4 и 5). Обе стороны должны были создать специальные комиссии для установления границы (п. 6) [ГА РТ ЦАДПОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 2–10]. Договор был ратифицирован обеими сторонами в сентябре–ноябре 1926 г.

В 1927 г. урянхайский вопрос обсуждал II Великий хурал МНР. По указанию советской стороны, вопрос предварительно обсу-

¹ Кызыл, бывший Белоцарск.

дил ЦК МНРП. Большинство его членов высказалось в развитие п. 3 программы МНРП в пользу признания танну-тувинского правительства. Возражали Цэрэндорж, Амар и Максаржав, указывая, что это невозможно, так как создаст прецедент для домогательств самостоятельности или автономии Кобдоского края и Алтайского Урянхая. Формально признание тувинского правительства должно было произойти от имени Хурала. Последний абсолютным большинством принял предложенный проект обращения. В этом обращении «К танну-тувинскому народу и его правительству» были выражены поддержка «национальному освобождению танну-тувинского народа» и желание установить с Танну-Тувой дружеские отношения [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 22. Папка 112. Л. 8–10, 22–23].

Следует отметить, что А. Амар и раньше выступал против независимости Урянхая. Так, в копии послания в Коминтерн приводятся слова советского представителя в ЦК МНРП (фамилия не указана), который «держал линию Москвы» по урянхайскому вопросу: «При рассмотрении доклада Амара (тогда мининдел) в ЦК [МНРП] до внесения на В. Хурулдан об Урянхае я заставил ЦК вычеркнуть больше половины его доклада и переменить намного редакцию резолюции. Потом Урянхайский вопрос несколько раз стоял в последнее время, в связи с вопросом об отзыве инструкторов-монгол и невмешательстве во внутренние дела Урянхая. Именно я выступал по этому вопросу и говорил об отзыве инструкторов, ненужности вмешательства во внутренние дела и порчи из-за этого внешних взаимоотношений. ЦК принял все это и оставил вопрос на разрешение путем переговоров между двумя правительствами (СССР и Монголии) и решил пока не вмешиваться во внутренние дела. Но этот вопрос — очень неприятный для нас и монгол» («Решение ЦК об отводе представителю Коминтерна и о командировании Ринчино в Москву» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33, Л. 131–202]).

Таким образом, со времени провозглашения независимости Монголии в 1911 г. до 1920-х гг. в ее руководстве в отношении Урянхайского края проявлялись интеграционистские тенденции, тогда как среди руководителей Тувы были различные мнения о ее будущем. Становление монголо-тувинского консенсуса происходило под влиянием Коминтерна и ВКП(б). Признание ТНР

независимой республикой со стороны МНР означало и международное признание северной границы государства Монголия.

Благодарности

Автор выражает благодарность Л. К. Хертек и М. М.-Б. Харуновой за предоставление копии договора между Монголией и Тувой.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. [*Arkhir Vneshnei Politiki Rossiiskoi Imperii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].]
- АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации. [*Arkhir Vneshnei Politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation].]
- ГА РТ ЦАДПОО — Государственный архив Республики Тува, Центр архивных документов партийных и общественных организаций. [*Gosudarstvennyi Arkhir Respubliki Tuva, Tsentri Arkhivnykh Dokumentov Partiinykh i Obshchestvennykh Organizatsii* [State Archive of Tuva Republic, Center of Archive Documents of Party and Social Organizations].]
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. [*Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History].]
- Сборник... 1914 — Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. СПб.: МИД, 1914. 91 с. [*Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po mongolskomu voprosu* [Collected diplomatic papers dealing with the 'Mongolian issue']. St. Petersburg: MFA, 1914. 91 p.]
- ТХА — Түүхийн хүрээлэнгийн архив. [*Tüükhiiin khüreeleengiin arkhiv* [Archive of the Institute of History (Mongolian Academy of Sciences)].]
- Урянхай... 2014 — Урянхай. Тыва дептер. Антология. Т. 6. М.: Слово, 2014. 580 р. [*Uryankhay. Tyva depter. Antologiya* [Uriankhai. The Book of Tyva. Anthology]. Vol. 6. Moscow: Slovo, 2014. 580 p.]
- Установление... 1994 — Установление покровительства России над Тувой в 1914 г. Архивные документы / сост. Дубровский В. А. Кызыл. 1994. 36 с. [*Ustanovlenie pokrovitel'stva Rossii nad Tuvoy v 1914 g. Arkhivnye dokumenty* [Establishment of Russia's patronage over Tyva in 1914. Archive papers]. Dubrovsky V. A. (comp.). Kyzyl, 1994. 36 p.]

XX зууны... 2003 — XX зууны монголын түүхийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгүүд) (1911–1921) / сост. Батсайхан О. Улаанбаатар: Битсервис, 2003. 428 с. [*XX зууны монголын түүхийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгүүд) (1911–1921)*] [Sources on Mongolian history in the 20th century (characterizing the period of Mongolia's autonomy) (1911–1921)]. Batsaykhan O. (comp.). Ulaanbaatar: Bitservis, 2003. 428 p.]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Байыр-оол 2010 — *Байыр-оол М. С.* Была ли революция в Туве? // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 157–170. [Baiyr-ool M. S. Was there a revolution in Tuva? *Novye Issledovaniya Tuvy*. 2010. No. 2. Pp. 157–170].
- Батсайхан 2011 — *Батсайхан О.* Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. Улаанбаатар: Адмон, 2011. 708 с. [Batsaykhan O. *Mongolyn süülchiyn ezen khaan VIII Bogd Zhavzandamba* [8th Jebtsundamba (Khutuktu): the last khan of Mongolia]. Ulaanbaatar: Admon, 2011. 708 p.]
- Белов 1997 — *Белов Е. А.* Россия и Китай в начале XX в. М.: ИВРАН, 1997. 315 с. [Belov E. A. *Rossiya i Kitay v nachale XX v.* [Russian and China in the early 20th century]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 1997. 315 p.]
- Белов 1999 — *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Вост. лит., 1999. 239 с. [Belov E. A. *Rossiya i Mongoliya (1911–1919 gg.)* [Russia and Mongolia (1911–1919)]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. 239 p.]
- Василенко 2013 — *Василенко В. А.* Танну-Урянхайский край в 1911–1912 гг. и рождение трехстороннего соперничества // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 47–68. [Vasilenko V. A. Tannu Uriankhai in 1911–1912 and emergence of the tripartite competition. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2013. No. 3. Pp. 47–68].
- Дацышен 2005 — *Дацышен В. Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск: STT, 2005. 250 с. [Datsyshen V. G. *Sayanskiy rubezh. Yuzhnaya chast' Prieniseyskogo kraya i rusko-tuvinskie otnosheniya v 1616–1911 gg.* [The Sayan boundary. Southern Yenisei Region and Russo-Tuvan relations in 1616–1911]. Tomsk: STT, 2005. 250 p.]
- Дацышен 2012 — *Дацышен В. Г.* Тува в русско-монгольских отношениях во время Синьхайской революции // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд. Улаанбаатар: Монголын Үсэг, 2012. С. 260–269. [Datsyshen V. G. Tuva in Russo-Mongolian relations during the Xinhai Revolution. *Mongolyn tusgaar togtol ba mongolchuud*. Ulaanbaatar: Mongolyn Useg, 2012. Pp. 260–269].
- Дацышен 2014 — *Дацышен В. Г.* Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. [электронный ресурс] // М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. URL: <http://iknigi.net/avtor-vladimir-dacyshen/100929-ocherki-istorii-mongolii-v-xix-pervoy-chetverti-hh-vv-vladimir-dacyshen/read/page-8.html> (дата обращения: 23.03.2018). [Datsyshen V. G. *Ocherki istorii Mongolii v XIX – pervoy chetverti XX vv.* [Mongolia in the 19th – early 20th cc.: historical essays]. Moscow–Berlin: Direkt-Media, 2014.] Available at: <http://iknigi.net/avtor-vladimir-dacyshen/100929-ocherki-istorii-mongolii-v-xix-pervoy-chetverti-hh-vv-vladimir-dacyshen/read/page-8.html> (accessed: 23 March 2018).
- Единархова, Николаева 2009 — *Единархова Н. Е., Николаева И. П.* Колонизация Монголии (XVII – начало XX в.). Иркутск: ВСГАО, 2009. 122 с. [Edinarkhova N. E., Nikolaeva I. P. *Kolonizatsiya Mongolii (XVII – nachalo XX v.)* [Colonization of Mongolia: 17th-early 20th cc.]. Irkutsk: East Siberia State Academy of Education, 2009. 122 p.]
- Лузянин 2003 — *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. М.: Огни. 2003. 320 с. [Luzyanin S. G. *Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX v.* [Russia – Mongolia – China in the early-to-mid 20th century]. Moscow: Ogni. 2003. 320 p.]
- Магсаржав 1994 — *Магсаржав Н.* Монгол улсын шинэ түүх. Улаанбаатар, 1994. 277 с. [Magsarzhav N. *Mongol ulsyn shine tüükh* [Mongolia: contemporary history]. Ulaanbaatar, 1994. 277 p.]
- Майский 1921 — *Майский И. М.* Современная Монголия. Иркутск: Иркутск. отд. Госиздата. 1921. 332 + 129 с. [Maysky I. M. *Sovremennaya Mongoliya* [Contemporary Mongolia]. Irkutsk: Irkutsk. Branch of Gosizdat, 1921. 332 + 129 p.]
- Моллеров 2015 — *Моллеров Н. М.* Позиции СССР и Внешней Монголии по «урянхайскому вопросу» в первой четверти XX века // Россия и Монголия в первой половине XX века. Кн. 5. Улан-Батор; Иркутск: изд-во Байкальского государственного университета, 2015. С. 221–230. [Mollerov N. M. Positions of the USSR and Outer Mongolia on the 'Uriankhai issue' in the early 20th century. *Ros-*

- siya i Mongoliya v pervoy polovine XX veka*. Vol. 5. Ulaanbaatar; Irkutsk: Baikal State University Publ., 2015. Pp. 221–230].
- Моллеров 2016 — Моллеров Н. М. Советские дипломаты и представители Коминтерна в Тувинской народной республике в 1920-е гг. [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 5–18. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/460/835> (дата обращения: 23.03.2018). [Mollerov N. M. Soviet diplomats and Comintern activists in the Tuvan People's Republic in the 1920s. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2016. No. 3. Pp. 5–18.] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/460/835> (accessed: 23 March 2018).
- Моллеров 2017 — Моллеров Н. М. История Тувы в 1920-е гг. сквозь призму жизни и деятельности старшего советника тувинского правительства и ЦК ТНРП П. С. Медведева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 31. Вып. 3. С. 36–47. [Mollerov N. M. Senior advisor to the Tuvan Government and Central Committee of the Tuvan People's Revolutionary Party P. S. Medvedev: a history of Tuva through the prism of his life and activities. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnich issledovanij RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). 2017. Vol. 31. Iss. 3. Pp. 36–47].
- Монголия ... 2012 — Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929). / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с. [*Mongoliya v dokumentakh Kominterna (1919–1934). CH. 1 (1919–1929)*] [Mongolia in documents of the Comintern (1919–1934). Part 1 (1919–1929)]. B. V. Bazarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB of RAS, 2012. 527 p.]
- Монгуш 2001 — Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). [электронный ресурс] // Новосибирск: Наука. 2001. 200 с. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/560343-1-mvmongush-istoriya-buddizma-tuve-vtoraya-polovina-konec-v-novosibirsk-nauka-2001-200-anons-monografiya-posvyasch.php> (дата обращения: 23.03.2018). [Mongush M. V. *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI – konets XX v.)*] [History of Buddhism in Tuva (mid-to-late 6th-late 20th cc.)]. Novosibirsk: Nauka. 2001. 200 p.] Available at: <http://libed.ru/knigi-nauka/560343-1-mvmongush-istoriya-buddizma-tuve-vtoraya-polovina-konec-v-novosibirsk-nauka-2001-200-anons-monografiya-posvyasch.php> (accessed: 23 March 2018).
- Нольде 1915 — Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Право. 1915. № 34, 35. С. 2154–2232. [Nolde B. E. International standing of Mongolia. *Pravo*. 1915. No. 34, 35. Pp. 2154–2232].
- Саая 2009 — Саая С. В. Внешнеполитическая позиция советской России в вопросе о международном статусе Тувинской народной республики в первой половине 1920-х гг. // Вестник Тувинского ун-та. 2009. № 1. С. 54–60. [Saaya S. V. Soviet Russia's foreign policy position on the international status of the Tuvan People's Republic in the early 1920s. *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 1. Pp. 54–60].
- Самдан 2011 — Самдан А. А. Национально-освободительное движение 1911–1912 гг. в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2011. Вып. 1. С. 54–59. [Samdan A. A. Tuva's national liberation movement of 1911–1912. *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitar'nye nauki*. 2011. Iss. 1. Pp. 54–59].
- Сандаг 1958 — Сандаг Ш. Образование Монгольского феодально-теократического государства и его внешняя политика (1911–1919 гг.). Канд. дисс. М., 1958. 285 с. [Sandag Sh. *Obrazovanie Mongol'skogo feodal'no-teokraticheskogo gosudarstva i ego vneshnyaya politika (1911–1919 gg.)*] [Mongolia as a feudal/theocratic state: its establishment and foreign policy (1911–1919)]. A PhD thesis. Moscow, 1958. 285 p.]
- Сведения о государствах ... 1912 — Сведения о государствах Дальнего Востока. Иркутск. 1912. № 3. 110 с. [*Svedeniya o gosudarstvakh Dal'nego Vostoka*] [Writings about Far Eastern state]. Irkutsk, 1912. No. 3. 110 p.]
- Сүхбаатар 2012 — Сүхбаатар Н. Роль нойонов Кобдоского края в освобождении Кобдо в 1912 г. // Borjigin H., Junko I. (eds.). The History and Culture of Mongols in the 20th Century. Coll. of Treatises in the 2011 International Symposium in Ulaanbaatar. Tokyo: Fukyosha Publ., 2012. С. 218–222. [Sükhbaatar N. Liberation of Khovd in 1912: the role of noyons (princes) of Khovd Province. *The History and Culture of Mongols in the 20th Century. Coll. of Treatises in the 2011 International Symposium in Ulaanbaatar*. Borjigin H., Junko I. (eds.). Tokyo: Fukyosha Publ. 2012. Pp. 218–222].
- Хертек 2016 — Хертек Л. К. Тувинско-монгольские связи и отношения в период Тувинской Народной Республики [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3.

С. 65–81. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/464/839> (дата обращения: 23.03.2018). [Khertek L. K. Tuvan-Mongolian ties and relations during the period of the Tuvan People's Republic. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2016. No. 3. Pp. 65–81.] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/464/839> (accessed: 23 March 2018).

Ховалыг 2007 — *Ховалыг С.* Личность в истории: Монгуш Буян-Бадьргы (1892–1932) // Вестник Евразии. 2007. № 2. С. 42–72. [Khovalyg S. Personality in history: Mongush Buyan-Badyrgy (1892–1932). *Vestnik Evrazii*. 2007. No. 2. Pp. 42–72].

УДК 342.156

Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в.

Сергей Львович Кузьмин¹

¹ доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: ipe51@yahoo.com

В статье обсуждается трансформация взглядов властей Тувы и Монголии на статус Танну-Тувы (Урянхая) после провозглашения независимости Монголией в 1911 г. в контексте монголо-тувинско-российских отношений. Отмечается, что отсутствие договорной фиксации решения Урянхайского вопроса Российской империей и Монголией создавало неопределенность и основание для территориальных споров. Используя эту неопределенность в связи с ослаблением позиций России, Китайская республика пыталась «вернуть» себе Внешнюю Монголию вместе с Урянхаем, претендуя на все территориальное «наследие» распавшейся империи Цин, частями которой ранее были Китай, Монголия и Урянхай. Провал этих попыток был связан с освобождением Внешней Монголии от китайской оккупации бароном Р. Ф. Унгерном, а затем с установлением влияния СССР на Монголию и Туву. Официальное признание Монгольской народной республикой независимости Танну-Тувы под влиянием руководства СССР означало также договорную фиксацию северной границы Монголии. Приводятся ранее не публиковавшиеся документы по данной проблеме.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Тува, Урянхай, Китай, независимость, границы, автономия, международные отношения